

Оглавление

Часть I. СТЕПЬ

Глава 1. “Археобус” и его команда	9
Глава 2. Пусть грянет гром!	42
Глава 3. Степной волк	55
Глава 4. Цыганский хутор	76
Глава 5. У костра	88
Глава 6. Сон Жеребилова	123
Глава 7. Чингисхановая теория	128
Глава 8. Мечь Табунщикова	156
Глава 9. Сон Володи	164
Глава 10. Интермедия	168
Глава 11. Великий поход	172
Глава 12. Покровское	191
Глава 13. Покровское (<i>продолжение</i>)	216
Глава 14. Покровское (<i>окончание</i>)	228
Глава 15. Кое-что еще	235
Глава 16. Сон Табунщикова	247
Глава 17. Туман	255
Глава 18. На подъезде к Чекалину	269

Часть II. ЧЕКАЛИН

Глава 1. Привидение	277
Глава 2. Валькирии	285
Глава 3. Вера Богдановна	294
Глава 4. У колодца	299
Глава 5. Беспокойная ночь	304
Глава 6. Большое знакомство	308

Глава 7. У куста	330
Глава 8. Сон Юры	334
Глава 9. Новые лица	344
Глава 10. На променаде	358
Глава 11. Чердак	365
Глава 12. Ночная встреча	375
Глава 13. Коробочка	382
Глава 14. У шкета	393
Глава 15. Материал	400
Глава 16. Чего ты боишься?	405
Глава 17. Погребение	416

Часть III. ПОТОП

Глава 1. Дождливые дни	431
Глава 2. Мы зажжем в них огонь!	462
Глава 3. Блиндаж	488
Глава 4. Зов степи	501
Глава 5. Признание	507
Глава 6. Атака легкой кавалерии	515
Глава 7. “Я обещаю тебе”	532
Глава 8. Отлучение	538
Глава 9. Почему они победили?	555
Глава 10. “Ты будешь ко мне приезжать”	574
Глава 11. Эфир	579
Глава 12. Прощание	602
Глава 13. Мы пойдем за ним!	609
Глава 14. Торжественные сборы	615
Глава 15. Домой! Домой!	628
Глава 16. Deus ex machina	632
Глава 17. Последний бой “Иосифа Сталина”	650
Глава 18. Финал	659

*Дремлетъ въ полъ Ольгово хороброе гнѣздо.
Далече залетѣло!*

Часть I
СТЕПЬ

Глава 1

“АРХЕОБУС” И ЕГО КОМАНДА

1

С некоторых пор, а именно с середины лета одна тысяча девятьсот примерно... (впрочем, без дат, без дат), по обширной равнине в северо-восточной части Турского края, в сухой звенящей степи, поросшей полынью, мятликом и сурепкой, странствует группа необычных существ. Вид их неопрятен и дик, взгляд глубоко посаженных глаз сумрачен, вороват, печень слегка увеличена в размерах вследствие регулярного употребления *spiritus vini*. Днем существа скитаются по степи, ночи проводят в зарослях, у костра, оглашая округу гортанными криками, а на рассвете продолжают свой путь, оставляя после себя обглоданные кости, клоки рыжеватой шерсти на кустах и наспех заброшенные землей зловонные кучи. Кто же они? Уж не беглые ли это зэки из Турской исправительной колонии, столь печально знаменитой своими бесчеловечными порядками? Или, может, неизвестная науке разновидность гоминид, чудом уцелевшая в здешних дебрях? Нет! Это едут археологи, шурфовочная команда номер 13-б, согласно штатному расписанию Конторы, бесстрашный полевой десант, стоящий на страже науки, закона и просвещения. Их лица сосредоточены и суровы, густые древнерусские бороды колеблет знойный августовский ветерок. Через поля их несет темно-оливковый фургон УАЗ-452, могучий корабль степей, называемый в просторечии “буханкой”. О фургоне стоит сказать подробнее, в нашей истории ему предстоит сыграть заметную роль. Над его правой передней фарой рукой неведомого шутника намалевано красное слово “Археобус”. Название прижилось, в Конторе его давно уже только так и величают. В прошлом “Археобус”, бывший когда-то армейской машиной, успел

побывать на полях сражений одной забытой восточнославянской войны, ныне же он — старый почетный работник археологического фронта. За годы службы в Конторе он перевез по степи сотни трясущихся и ёкающих тел, тысячи ящиков тушенки и несчетное множество извлеченных из земли древнегреческих амфор и хазарских лощеных горшков. Рабочие настолько привязались к нему, что воспринимают его как члена команды и практически живое существо. Некоторые даже ласково говорят: товарищ “Археобус”. Звучит почти как “многоуважаемый шкаф”.

В “Археобусе” буднично пахнет пылью, каленым железом, невымытыми мужицкими телами. На полу салона побрякивают лопаты, позвякивает алюминиевое ведро с пикетами, крашенными в белый цвет завхозом Пастернаком, постукивает на кочках оранжевый пластмассовый ящик с нивелиром. У задних дверей сложены сумки с вещами и продолговатые палатки в чехлах, покрытые, как и всё в салоне, толстым слоем пыли. Однако бóльшую его часть занимают свернутые в цилиндры матрасы и одеяла. Взятые с запасом, в расчете на холодные ночи в степи, эти одеяла, а пуще всего матрасы были для команды сущим наказанием, особенно в часы разъездов. Если одеяла вели себя относительно смиренно, то матрасы были брыкливы и своенравны. Стоило запихнуть их в машину и проехать какие-нибудь полкилометра, как они теряли приданную им цилиндрическую форму и распрямлялись под самыми неожиданными углами, утыкаясь сидящим в физиономии и бока. Пассажиры были вынуждены поддерживать матрасы различными частями своих тел и голов. Спротивление давалось непросто, учитывая брыкливость самой дороги и чрезвычайную узость стандартных уазовских откидных сидений, на которых и без того нелегко усидеть. Вот и сейчас матрасы успели захватить почти весь салон и постепенно распространяли свое влияние на кабину, отделенную от него невысокой металлической перегородкой.

Распирающий машину поролоновый натиск, а равно тряска и духота придают лицам экипажа драматическое выражение. За баранкой, хищно уставившись на дорогу, раскорячился Юра, водитель и повар экспедиции, тщедушный, краснорожий

субъект лет пятидесяти, с седыми и несколько самонадеянными усами. Рядом покачивается Бобышев, командир экипажа, сорокадвухлетний малый с брюшком, толстым блокнотом под мышкой и физиономией добряка, каковым он и является в действительности. В салоне на откидных сиденьях трясутся рабочие, ударники археологического труда. Табунщиков Александр Александрович, пятидесяти трех лет, вдовец, коммунист, член партии с восемьдесят девятого года, натура вздорная, склочная и насмешливая, что, однако, не мешает ему быть душой и совестью коллектива. Василий Тарасович Жеребилов, пятидесяти семи лет, старинный знакомый, земляк и лошадиный тезка Табунщикова, составляющий, несмотря на это, почти полную его противоположность во всем, особенно в убеждениях, человек задумчивый, обстоятельный и хмурый. Володя, сорока пяти лет, музыкант-самоучка, философ, буддист, обладатель ужасающе неопрятной бороды и кроткой обаятельной улыбки, в которой, несмотря на плохие зубы, всегда с ослепительной ясностью отражаются его характер и душа. И наконец, Герман, студент-историк, чернявый, загорелый парень с волевым и пронизательным лицом, двадцати двух лет, что делает его своего рода юнгой на борту этого сухопутного корабля. О каждом из них предстоит рассказать подробнее, а сейчас душную, позвякивающую тишину салона вдруг разрывает пронзительный крик...

— Тормози! Тормози! — завопил Табунщиков, увидев что-то в маленькое уазовское окошко.

Лихо скрипнув колодками, “Археобус” осел и зарылся носом в землю. Все с ахами и руганью полетели со своих мест. Хрупкое равновесие между матрасами и членами экипажа было непоправимым образом нарушено.

Тут камера должна бы остановиться и подробнее показать их лица — застывшие, удивленные, искаженные как бы одной общей предсмертной судорогой. Раскрытая пасть Жеребилова и его же черная борода, резко хлынувшая вправо. Мясистая бородавка на щеке Табунщикова, с тремя длинными, жесткими, будто из проволоки сделанными волосинами. Слетевшие с Володи очки и его подслеповатые глаза, внимательно созер-

цающие этот полет. Озорной китайский прищур Германа перед его внезапным падением на Володю. Хорошенько взгляните в эти лица. Это наши герои. Они проживут с нами длинный ряд вечеров, в продолжение которых мы будем переворачивать страницы этой трагической книги. Они пройдут нелегкий путь по турским степям, где их будут подстерегать приключения и опасности, где пули, булыжники и остро отточенные сабли разбойников будут поминутно свистать над их бедовыми головами. Они найдут дорогу к новым себе, которые уже поджидают их на последней странице, в беспощадном пасмурном свете далекого октябрьского дня. Вгляделись? Почувствовали пробегающий вдоль позвоночника холодок? То-то же! В таком случае мы продолжаем.

— Чего орешь! — крикнул Юра, оправившись от испуга.

— Поворот на Алексеево проехали!

Сидевший на самом краю скамьи, Табунщиков пал первой жертвой своего крика. Кряхтя и распахивая матрасы, он с трудом выбирался из-под завалов.

— Зачем Алексеево? — отозвался Бобышев. — Нам ведь на Мокрую Тоню.

— Так короче! — простонал Табунщиков. — Я там в прошлом году с Бескудниковым копал. Там какая-то ферма еще на холме. Тут дорога напрямки, а которая через Тоню — в обход.

— Вечно все знаешь! — огрызнулся Юра. — Сейчас опять крутить будем!

Бобышев, однако, не поленился и достал из бардачка карту. Джипиэсу он не доверял — тот постоянно водил их по степи самыми замысловатыми путями. Навигация составляла, пожалуй, главную проблему экспедиции. Спутниковые метки в Конторе расставили как попало, подъезды к ним обозначили еще хуже, и дорога от шурфа к шурфу занимала иногда более часа, хотя по прямой между ними могло быть всего несколько километров.

— Володя, это ваша рука? — спросил Герман, нащупывая что-то в общем смещении.

— Не знаю, может, и моя. Хотя, кажется, нет, мои обе на месте.

— Отдай ногу! Кому говорю, отдай! — требовал Табунщиков, пихая Жеребилова.

- Да не держу я твою ногу!
- А, это штатив. Прощенья просим. Мне показалось, кто-то наступил.
- С чего ты взял, что эта та самая дорога? Тут все повороты на одно лицо.
- Она! Она! Точно говорю. Вон еще труба из насыпи торчит, мы ее в прошлом году проезжали.
- Мало ли здесь труб.
- Я вам ничего не отдал? — беспокоился Герман. — Мне кажется, я очень больно на вас упал. Для вас то есть.
- Вроде бы нет. Может, совсем чуть-чуть. Но это терпимо.
- Да, — пробормотал Бобышев. — Через Алексеево действительно будет короче. Сдай-ка назад, Юра.
- Смотри, Андрей Алексеич, — проворчал Юра, дергая рычаг. — В прошлый раз тоже “короче” было, а сколько потом петляли. Увязем сейчас где-нибудь в грязи.
- Ничего, там дорога сухая, попробуем. Команда живая?
- Живая! Живая! — с натугой откликнулась команда, и “Археобус” снова тронулся в путь.

2

Вот уже третью неделю археологи скитались по степи, постоянно сверяясь с картой района, специально составленной для этой поездки. На карте этой россыпью красных точек были обозначены места, где предстояло заложить шурфы. Часть из них, сравнительно небольшая, была уже помечена крестами. Некоторые точки располагались на вершинах холмов, другие в низинах, и также и “Археобус” — то взмывал в поднебесье, то ухал куда-нибудь в овраг, заставляя своих пассажиров испытывать нешуточные перегрузки.

Задача перед ними стояла самая прозаическая, и пусть читатель, поспешивший представить себе заветный сундук, доверху набитый золотыми червонцами, или поиски древней столицы, описанной античным географом, заранее умерит свой аппетит. Все столицы давно найдены, дорогой читатель, а сокровищ и вовсе не существует в природе. Во всяком случае, никто из тех,

кто тряся в пыльном чреве “Археобуса”, о сокровищах не помышлял. Они были простыми разведчиками, а не искателями кладов. Вся их работа была — отыскивать точки, отмеченные на карте, копать в этом месте неглубокие ямы, гордо именуемые шурфами, фотографировать их, делать краткие заметки о культурном слое, если таковой имелся, и ехать дальше, отбиваясь, елико возможно, от вездесущих полчищ комаров. Орудиями их труда были по преимуществу штыковая лопата и геодезическая рейка, а не те кисточка и нож, которые связаны, в представлении многих, с ремеслом археолога. Оставляя за собой кучи перекопанной земли, они двигались на север, к Жахову, конечной точке их маршрута, где уже грезилась команде мировая отвальная, горячий душ в придорожной гостинице и долгожданное возвращение домой.

Их экспедиция была связана с теми масштабными событиями, которые уже в недалеком будущем обещали преобразить эту холмистую равнину. Через какой-нибудь год здесь должна была пролечь большая нефтеносная магистраль, крупнейшая на юго-западе страны. Ей предстояло соединить промышленный Турск и открытое недавно на севере края Салтовское месторождение, также принадлежащее к числу крупнейших. Магистраль эту уже прозвали в шутку Великой трубой, вероятно, в связи с грандиозными надеждами, которые возлагали на нее турецкие патриоты. Совсем скоро сюда должны были напозти экскаваторы, бульдозеры и самосвалы и начать свою грохочущую возню, приготовляя траншею для укладки Великой трубы. Им надлежало проделать и другую работу, ведь кроме самой магистрали здесь, в этих пустынных пока местах, должны были появиться наливные и перекачивающие станции, крупная нефтебаза и разветвленная сеть вспомогательных дорог.

Все это, разумеется, обещало не лучшим образом сказаться на первозданном облике степи. Грядущее нашествие техники угрожало редкой степной растительности, в том числе таким уникальным видам, как ковыль золотистый, небольшие островки которого еще сохраняются на каменистых пустошах вдоль южной границы Салтовского края. Оно угрожало многим видам

животных и птиц, из которых несколько, такие, например, как колпица и сайгак, давно причислены к скорбному племени исчезающих. Экологи уже били в набат и писали письма во все инстанции, выражая *глубокую озабоченность и неподдельную тревогу*, но сделать, как водится, ничего не могли.

Грозило стальное нашествие и тем следам минувших эпох, которые сокрыты в этой многое повидавшей земле. Только за последние три тысячи лет через эти степи прошли десятки народов, от скифов, сарматов и киммерийцев до половцев и турок, от которых край, собственно, и получил свое название. Народы эти постоянно дрались, перемещались с места на место, строили деревни и города, бросали их, спасаясь от засухи, нашествий и эпидемий, снова строили, из-за чего земли края были буквально нафаршированы разного рода селищами, стоянками, городищами и прочими объектами культурного наследия. Случалось, в ходе одной только разведки где-нибудь под Салантырем обнаруживали целых три таких поселения — одно совсем архаичное, нижнего палеолита, одно греческое, времен Боспорского царства, и одно средневековое, эпохи упадка Хазарского каганата. Но если ковыль золотистый спасти было никак нельзя, то покойных греков и неандертальцев защищал Закон.

В былые, не такие, впрочем, давние времена церемоний никто не разводил. Экскаватор, мирно попыхивающий трубой, скажем, на окраине Турска, запросто мог вывернуть из земли какого-нибудь печенежского вождя, в ржавой кольчуге и шишаке, густо усыпанном камнями. Тут, конечно, случались презабавные пантомимы. Водитель, этакий простоватый Мыкола (улыбка вся в дырках, к губе прилипла тлеющая папироска), в изумлении выглядывал за окно, а стоявший поблизости бригадир, распахнув рот не хуже покойного печенег, изрекал, на правах комментария, какое-нибудь забористое словцо. К помощи ученых в таких ситуациях прибегали редко. Дабы не создавать себе лишних хлопот, вождя по-тихому укладывали обратно, а шишак и иные ценности, буде таковые имелись, относили на ближайший рынок, после чего вся бригада загадочным

для начальства образом уходила в запой. По счастью, предел этому варварству положили законодатели. С некоторых пор в Турском крае, как, собственно, и повсюду, даже столб электрический поставить было нельзя, не получив прежде разрешения археологов. Археология эта, впрочем, была самого примитивного свойства. Просто приезжали на место несколько бородатых мужчин, выкапывали шурф, то есть прямоугольную яму метр на два, заглядывали туда, роняя сигаретный пепел, чесали в затылках, снова заглядывали, убеждались, что половцев и печенегов нет, после чего давали добро на установку столба. Если же половцы все-таки обнаруживались, столб надлежало перенести в другое место или оплатить археологам полноценные раскопки, дабы все древности были заблаговременно изъяты из земли. Раскопки эти, сообразно с хитрою статьею закона, оплачивал несчастный землевладелец. Тем, собственно, и кормилась Контора и с полдюжины ей подобных. Они брали подряды на проведение экспертизы и рассылали бригады разведчиков в города и веси, где исходящие злобой застройщики месяцами ждали от них заветного разрешения. Одной из таких бригад и была команда “Археобуса”. Им предстояло проехать через весь Турский край, закладывая шурфы в тех точках маршрута, где в древности мог обитать человек. Располагались эти точки в основном по берегам рек, а также оврагов, связанных в прошлом с речной системой. Человек всегда предпочитал селиться поближе к воде, ну а там, где он хоть немного пожил, что-нибудь да остается — если не руины жилищ, то по крайней мере обглоданная кость или осколок разбитого горшка. Именно такие следы и искала команда под началом Бобышева. Задача это была непростая и даже по-своему грандиозная. Ведь оврагов и рек на пути укладки Великой трубы было столь же великое множество. Кое-где места, отмеченные на карте, были сравнительно легко доступны, к другим же следовало продираться сквозь заросли и болота, отыскивать путь в лабиринте разбитых и чрезвычайно запутанных грунтовых дорог. Жизнь при этом приходилось вести самую цыганскую, кочевую, в постоянной заботе о приготовлении пищи, питьевой воде и подходящем месте для ночлега.

В середине июля, снаряжая команду в поход, в Конторе предположили, что вернутся они никак не раньше начала сентября. И это — если не грянут затяжные дожди, которые, случалось, на целые недели задерживали разведчиков в степи.

3

Начиная со второй недели их путь пролегал, большей частью, по глухим местам — по той сравнительно мало освоенной части Турского края, что простирается к северу и востоку от его столицы. Область эта чрезвычайно обширна и тянется, в виде трапедии, до гористой цепи, носящей название Салтовского кряжа, у подножия которой найдено нефтяное месторождение. Сюда с некоторым нажимом можно было бы втиснуть среднее европейское государство, такое, например, как Дания, однако населена эта область довольно скудно. На огромном расстоянии между Жаховом (крайней северной ее точкой) и Турском (крайней южной) разбросаны в основном лишь небольшие села и хутора, затерянные среди топей, редких лесов и выжженных солнцем пустошей. Села эти внезапно вырастали перед фургоном, как бы порожденные жарким степным маревом, и так же внезапно валялись куда-то в пустоту; Пышкино, Колодези, Чебуреки, Петушья Балка, Черешня, Быдлищи — мелькали чудные названия на табличках, едва ли кому-то известные за пределами этой обширнейшей *ultima thule*. Некоторые из них были совсем маленькие, шапкой накрыть, так что отъедешь чуть подальше — и как будто не было их в помине. При этом дорожная сеть была развита здесь довольно слабо, мосты и переправы редки, и сообщение многих из этих сел с Большой землей и друг другом было весьма затруднено. В некоторых местах жители месяцами не видели приезжих. В Гнилуше, крошечной деревушке, притулившейся на берегу одноименной речки, команда застала древнего деда, который сидел, созерцая улицу, в настежь распахнутом нужнике. Запираться не было необходимости — в Гнилуше дед остался один и гостей не видел, по меньшей мере, с прошлого года. Въезд “Археобуса” на деревенскую улицу произвел на последнего гнилушанина исключительно сильное впечатление. Придерживая

штаны, дед догнал археологов на окраине, где те закладывали шурф, и едва не пал перед ними ниц. Поминутно заходясь в мелкой тряске от радости и волнения, он долго расспрашивал их о событиях внешнего мира, кажется, немало удивленный тем, что этот внешний мир по-прежнему существует, настойчиво зазывал их в гости (“Жить, жить, мужички! Насовсем! Хоть всю деревню берите!”), соблазняя громадными тыквами, которые будто бы росли у него в огороде, а после, утирая слезы, ушел в закат, к веренице домов, окна которых — все, кроме одного — были заколочены или забраны ставнями. Вскоре он явился снова, волоча за собой тыкву, и в самом деле огромную, размером с советский ламповый телевизор, но археологов уже не застал. На берегу Гнилуши была видна только насыпь от закопанного шурфа, загадочная, будто след, оставленный кораблем пришельцев.

Здесь, в краю незапертых нужников, разруха стояла такая, что удивлялся даже бывалый Табунщиков, который колесил по раскопкам уже десятый год подряд. Колхозы и фермерские хозяйства, на которых некогда держалась местная экономика (словечко, не всякому здесь понятное), почти повсеместно лежали во прахе, растащенные до гвоздей и досок включительно. Огороды зачастую были единственным средством прокормления стариков, а иногда и целых семейств из числа беднейших. Шабашки с выездом в ближайшие города (местная разновидность гастарбайтерства) считались занятием почетным и едва ли не респектабельным; когда мужики возвращались с деньгами, встречали их торжественно, всем селом, с баяном, хлебом-солью и запотевшей рюмкой на подносе, как благодетелей и кормильцев. Пресловутая *поллитра* была наиболее ходовым платежным средством, ввиду хронического отсутствия всяких других. На задах закрывшихся школ и полицейских участков пасли скотину и сажали картофель, и дети учились читать, разбирая буквы на линиях вывесках с названиями этих учреждений. Дома, заборы и мостовые пребывали в состоянии диком и фантастическом, достойные кисти Босха и Брейгеля Старшего. Иной раз, заехав в какую-нибудь деревню, археологи торопились поскорее убраться из нее, до того гнетущее впечатление она производила.

Впечатление это еще усугублялось некоторыми сопутствующими событиями, в стране и самом Турском крае, о которых будет подробно сказано в своем месте. А пока — последуем дальше за “Археобусом”, который уже успел отдалиться на порядочное расстояние и катит себе, обратившись в жука, по желтому петляющему проселку...

4

Впрочем, куда чаще Бобышев и команда бывали в местах, вовсе лишенных следов пребывания человека. На просторах турецкой степи существуют обширные участки, где можно без усталы шагать целый день и нигде не встретить даже привычной взгляду линии электропередачи. Лишь изредка отпечаток тракторной гусеницы, лужица машинного масла или распаханное поле намекают на близость цивилизации. Но и та часто сводится к сараю, в котором стоит этот трактор, да ветхому домику, где живет стареющий фермер и его молчаливая, высушенная солнцем и многолетним одиночеством жена.

Именно такой была местность между Алексеево и Мокрой Тоней, где археологи заложили новую пару шурфов. Вокруг лежали только скучные невозделанные поля, так называемые залежи, пересеченные неглубокими балками и зарослями терновника. Лишь в самой дали, на холме, виднелась крохотная ферма, состоящая из полудюжины зданий и загадочной, слабо мерцающей на солнце тупоконечной башенки. Команда расположилась на краю широкого оврага, на дне и склонах которого сохранились островки байрачного леса. Выше, за оврагом, лес соединялся с лиственной рощей, по сторонам которой и были выбраны места для шурфовки.

Табунщиков с Жеребиловым стояли ближе к обрыву, на слегка наклонной задернованной площадке. Всякий раз, когда шурфов по плану предполагалось два, а не четыре, Табунщиков и Жеребилов оказывались в паре — это уж как-то само повелось, хотя менее подходящих друг другу людей и придумать было нельзя. Вместе они представляли собой своего рода инь и янь экспедиции, те самые противоположности, без борьбы и единства которых не обо-